

В. С. Глаголев³

РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ОБРАЗОВ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В ДИНАМИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРНОСТИ

Количество этносов на Земле, появившихся в ходе этногенеза, является предметом полемики ученых. В первую очередь потому, что до сих пор твердо не установлено число центров, где «стартовал» этот процесс. Подвергается критике точка зрения о единственном центре, долгое время относимом к территории Африки в районе озера Танганьика. Предметом дискуссии является предположение о наличии южноазиатских центров, все настойчивее звучат доводы о существовании такого центра на территории современного Китая. Идеологические соображения, восходящие к характеристике КНР как Поднебесной, будут, по всей видимости, усиливаться в антропологических и этнологических изысканиях: Китай сегодня не жалеет средств на финансирование крупномасштабных национально значимых проектов. Утверждение тезиса, что первый человек на Земле появился в Китае, вполне соответствует особенностям национального самосознания,

тысячелетиями культивируемого в этой стране (позволим напомнить о расхожих в советское время анекдотах, в которых СССР являлся родиной слонов, а первый человек появился в Саратове).

Развертывание генетического разнообразия человечества, определяющее фенотипические характеристики людей, принадлежащих к разным расам и типам будущих этносов, продолжалось в течение всей писаной и неписаной истории человечества. Этот процесс не завершен и в настоящее время. Достаточно вспомнить о гигантских территориях Латинской Америки, Азии и Африки, вовлекаемых в модернизационные проекты и включающихся в современные глобализационные процессы, чтобы смело утверждать, что этногенез является незавершенным и в настоящее время. О его будущем можно судить лишь в рамках предельно условных предположений. Современные дискуссии об украинской нации, развернувшиеся в последние годы, — наглядное свидетельство неисчерпаемости потенциалов во взаимодействии этнически определенных групп с их особенностями языка, культуры, религиозной идентичности, способов хозяйственной деятельности, политических и геополитических предпочтений. Как и в любой социально-гуманитарной науке, определенные суждения в этих вопросах в лучшем случае выражают динамичное соотношение противостоящих друг другу и взаимодействующих тенденций, отличающихся многовариантностью, если сохранять

³ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Религия караймов», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Практическая психология для дипломатов» (учеб. пособие), «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Cooperation of technologic and scientific knowledge in development» и др. Член Российского философского общества.

осторожность научного подхода. Вместе с тем политические интересы и геополитические выборы задают ученым форматы категорических утверждений. По линии водораздела категорических тезисов и сумм вытекающих из них практических выводов происходит маркировка по принципу «свой» и «чужой» в сердцевинах самых абстрактных теоретических допущений. Это тот случай, когда политика предельно заинтересована в научной поддержке и мобилизует ее всем спектром средств, имеющихся в распоряжении действующих ныне политических сил, от соблазнов «чистой науки» до прямого подкупа, силовых принуждений, включая ограничение информации и запреты на профессию.

Если обратиться к истории Крыма, то приходится вспомнить тавров и скифов, сарматов, готов и хазар, гуннов, караимов и славян. Список национально-культурных организаций середины 1990-х годов насчитывал 22–23 позиции: от народов, населявших полуостров со времен Византии, до сравнительно недавних переселенцев на его территорию в послевоенное время.

Нетрудно заметить, что значительная часть ныне существующих и признаваемых наукой и государством этносов складывалась на основе предыдущих этнических дифференциаций. Те же славяне, как известно из истории Древней Руси, включали древлян, полян, кривичей и др. Аналогично обстояло дело и с множеством других этносов, населяющих Землю в настоящее время. Логичен вопрос: что в каждом из них было «своим», что — «чужим»? В первую очередь, конечно, своеобразие сочетаний генов (критерий условный, но объективный). Правда, при условии их выделения на уровне молекулярной биологии, а не спекуляций на эту тему. Поскольку само понятие «ген» появилось после 1864 года благодаря экспериментам Г. Менделя с душистым горошком в августинском монастыре Старе Брно, а молекулярная биология сложилась лишь к концу первой половины XX века, данный объективный критерий начал активно «работать» только в последнее время. Ранее пользовались эмпирическими критериями, антропологической идентификацией и классификацией. На них опиралась, в частности, и нацистская теория о «высших» и «деградирующих» нациях, пышно расцветшая в 1930-х годах. Параллельно развертывались исследования, направленные на раскрытие генетического кода и связанные с ними эксперименты в области гибридизации, попытки улучшения человеческого генофонда (евгеника) и т. д. Можно упомянуть также современный скрининг и генную инженерию.

Генетическим исследованиям в широком смысле предшествовал многовековой сбор эмпирического материала и основанные на нем рекомендации подбора супружеских пар для производства жизнеспособного потомства. Юмористическая характеристика этих усилий отразилась в строках В. Высоцкого: «Мой дядя, что достался кабану, пока был жив, предупредил меня: нельзя из людоедок брать жену...» Напряженное всматривание в сочетание антропологических характеристик, размышление над последствиями этих сочетаний и соответствующие обобщения и основанные на них рекомендации и запреты пронизывали всю дописьменную историю человечества, дополняясь правилами

принятия в состав рода и племени чужеземцев. Вместе с этим в оборот принимались элементы чужого языка (при общем доминировании своего), успешные технологические навыки и религиозные верования. Разумеется, в той мере, в какой они отвечали задачам действительной или кажущейся стабилизации и экспансии «принимающей стороны». С появлением письменности фиксация генеалогических линий позволила пользоваться аргументами, более четко воспроизводившими историческую память древних коллективов. Далеко не всегда, как показывают археологические исследования, традиционная практика бракосочетаний была успешной, например выбор супруг для египетских фараонов из круга ближайших родственников. Хотя и здесь сроки индивидуального правления некоторых из них и продолжительность династий, в которых существовала эта практика, позволяют говорить о фенотипическом здравье на протяжении ряда поколений.

Как известно, записи в церковных книгах рождений, бракосочетаний и смертей позволили священнослужителям ряда северных стран Европы, где сохранялись устойчивые межпоколенные общности на протяжении ряда столетий, составлять рекомендации о желательности или нежелательности заключения брачных союзов в XVIII и XIX веках (а может быть, и в более раннее время).

В наши дни совет старейшин общины липован — старообрядцев, проживающих в Румынии, — в обязательном порядке обсуждает намерение молодого человека взять в жены девушку из своей общины и девушки, желающей выйти замуж за молодого человека из той же среды. Налагается твердый запрет на заключение таких браков, если устанавливается родство менее чем в шести поколениях. При этом нарушителям запрета отказывают в социальной и духовной поддержке общины, что создает таким отщепенцам значительные трудности адаптации в инокультурной и инорелигиозной среде.

Политические реалии вносят свои азимуты в процесс этнокультурного взаимодействия. Если говорить о геополитической экспансии, то она сопровождается активной трансляцией религиозных и культурно-политических ценностей ее активными участниками. В их роли могут выступать государство и союзы государств, политические партии; массовые религиозные движения, инициируемые соответствующими политическими силами и инспирируемые их организациями. Процесс противодействия экспансии сопровождается в ряде случаев консолидацией тех, кто становится ее объектами. Классический пример этого рода — сопротивление Абиссинии итальянской экспансии в конце XIX века и в 1935 году. Более «свежий» пример — сопротивление полиэтничного народа Вьетнама французским колонизаторам после 1945 года (в немалой степени обязанное образованию в Северном Вьетнаме государства, во главе которого стал активный деятель Коминтерна 1920–1930-х годов Хо Ши Мин, и усилиям соответствующих национально-политических структур на территории Южного Вьетнама). В дальнейшем американское присутствие на юге Вьетнама в 1967–1975 годах привело к гибели в этой стране

более 57 тыс. американских военнослужащих и к утверждению власти коммунистов на юге страны, обеспечившей ее объединение.

В тех случаях, когда противодействие оказывалось неэффективным, происходило насильственное внедрение иноземных ценностей в среде этносов и народов, оказавшихся под властью агрессоров. Благодаря многочисленности местного населения и (отчасти) его проживанию в труднодоступных регионах этот процесс приобрел «верхушечный» характер: государственная администрация, городские жители из коренного населения, современные профессии, образование на языке колонизаторов и т. д. Он позволял подготовить коллаборационистскую администрацию и инфраструктуру, которые в известных рамках и на ограниченное историческое время поддерживали воспроизводство иноземных культурно-религиозных ценностей.

Распад колониальных систем и блокирование доминирования центров, представляющих на местах интересы иноземных администраторов, способствовали подготовке широкого круга образованных людей из числа представителей влиятельных этнических групп и, как следствие, перераспределение ресурсов и центров влияния в социумной жизни. Изредка это совершалось и совершается эволюционным путем. Так, чрезвычайно поучительны акции политических деятелей, представляющих коренное население севера Канады, США, Гренландии (находящейся под юрисдикцией Дании). Эти акции используют Декларацию прав человека 1948 года и другие документы ООН, выделяющие права коренного населения и рекомендуемые создание особых юридических механизмов их обеспечения. Во всех этих случаях речь не идет о сецессии и признании государственного суверенитета политико-этнических структур, действующих на определенных территориях.

Высокая степень концентрации однородных или этнически близких групп, активизация среди них племенных религиозно-этнических союзов и образование на их основе националистических партий и вооруженных формирований принимает формы экстремистских выступлений под лозунгами образования новых государств или свержения правящих элит и соответственно замены их представителями оппозиционных сил, действующих на религиозно-племенной основе. Иногда действительное содержание этих процессов ускользает от объективной оценки. Так, тиражируемые СМИ сообщения о кровавых столкновениях между христианами и мусульманами в Центрально-Африканской Республике на поверку оказались недостаточно корректными — в силу того, что объявившие себя сторонниками христианства местные народности являются потомствен-

ными анимистами, среди которых частично получили распространение христианские обряды.

Феномен двоеверия, конечно, распространен не только в Тропической Африке. Шаманизм в сочетании с буддийскими верованиями — характерная особенность коренного населения российской Тывы. Среди бурят России шаманизм и буддизм сочетаются и уживаются у одних и тех же людей с исповеданием православной веры. Подобная полирелигиозная идентичность вовсе не является исключением. Известно, что среди ханьцев в Китае религиозное почитание Будды и Конфуция совмещается с даосскими практиками в течение по крайней мере 2 тыс. лет. При этом они остаются китайцами на основе базовых аксиологических представлений, литературного языка, признания государства высшим авторитетом и уважения к цивилизационным достижениям своей страны и росту ее влияния в современном мире. Государственные скрепы и «вертикали власти» сочетаются здесь с толерантностью к религиозно-культурному аспекту самосознания, а жесткость этнической дисциплины уступила место соответствию поведения конъюнктурным установкам и долгосрочным предначертаниям политики центральной власти.

Литература

1. *Абдулатипов Р. Г.* Этнополитология / Р. Г. Абдулатипов. — СПб. : Питер, 2004. — 315 с.
2. *Арзуманов И. А.* Вероисповедная политика и гражданский гуманизм (к вопросу о реализации положений ст. 13 Конституции РФ) / И. А. Арзуманов // *Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение»*. — 2010. — № 2 (5). — С. 113–123.
3. *Арутюнян Ю. В.* Этносоциология перед вызовами времени / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева // *Социологические исследования*. — 2008. — № 7 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-07/Arutyunyan_Drobizheva.pdf (дата обращения: 06.04.2014).
4. *Глаголев В. С.* Модели адаптации этнических структур к глобализационным вызовам современности / В. С. Глаголев // *Актуальные проблемы истории и этнологии : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения профессора Р. З. Янгузина и 20-летию образования кафедры истории РБ и этнологии, г. Уфа, 15 ноября 2011 г.* — Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. — С. 65–79.
5. *Глаголев В. С.* Религия караимов / В. С. Глаголев. — М. : МГИМО, 1994. — 142 с.
6. *Глаголев В. С.* Философско-религиозные аспекты в изучении караимов. Религия и культура: Россия. Восток. Запад : сб. ст. / В. С. Глаголев ; под ред. Е. А. Торчинова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — С. 231–250.
7. *Мнацаканян М. О.* Нации в современном мире. Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории / М. О. Мнацаканян. — М. : Анкил, 2011. — 324 с.